

Ирина Котова и Валерия Панина

ОТЕЦ НА СТАЖИРОВКЕ

Все добрые люди и нелюди Эринетты

Ирина Котова

Отец на стажировке

«Котова Ирина »

2022

Котова И. В.

Отец на стажировке / И. В. Котова — «Котова Ирина »,
2022 — (Все добрые люди и нелюди Эринетты)

В ходе спецоперации на руках полицейского-оборотня оказывается связанный с ним младенец. Будто этого мало, напарницей становится давняя любовь, которая знать его не хочет. И теперь бравому волку и убежденному чайлд-фри придется примерить передник домохозяйина, не ударить в грязь лицом... и не выть слишком уж часто от этой шутки судьбы.

© Котова И. В., 2022

© Котова Ирина , 2022

Содержание

ГЛАВА 1. О проклятиях и том, что разгневанная женщина – всегда немного ведьма.	5
ГЛАВА 2. Когда исполняются проклятья	10
ГЛАВА 3. Эти глаза напротив	16
ГЛАВА 4. Дети вообще спят?	19
ГЛАВА 5. Нежданные встречи и коварные планы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ирина Котова, Валерия Панина

Отец на стажировке

ГЛАВА 1. О проклятиях и том, что разгневанная женщина – всегда немного ведьма.

«Уложение оборотней о семье и доме» дает подробные и исчерпывающие указания об устройстве быта, отношениях в семье и клане. Следуйте традициям, освященным веками, и не задавайте вопросов.

Из комментариев к «Уложению»

Много ли надо милым дамам семидесяти лет, чтобы скрасить досуг? В этом рецепте достаточно соединить всего два компонента: молодого любвеобильного соседа-оборотня и хороший крепкий забор, за которым так удобно подслушивать. И подсматривать – ибо забор имел щели ровно той ширины, чтобы все разглядеть, но не быть обнаруженной.

Этим утром сестры-двойняшки, овдовевшие и на склоне лет поселившиеся вместе в одном из миленьких домиков, которыми была застроена окраина Вэншица, столицы государства Эринэтта, для маскировки чинно пили чай под забором между двумя участками. Скандал, разразившийся у соседа, был прекрасно слышен из распахнутого окна, украшенного резными ставнями.

– ... мы всё уже обсудили, я с тобой был честен, Вилда! Дело не в тебе. Я сразу сказал, что свободный волк и мне не нужны семья и дети. Ни сейчас, ни в будущем. Если ты настаиваешь, нам лучше расстаться. Подумай, хочешь ты этого? У нас все было хорошо...

– Как это не нужны деточки? – возмущенно проговорила одна из бабушек, всплеснув руками. Вторая только укоризненно покивала, молча, чтобы ничего не пропустить, и их головы с модными ныне седыми кудряшками снова повернулись к забору.

– Гейб, я думала, у нас нечто большее, чем «хорошо», – голос девушки звенел. – Что у нас...

– Любовь? – усмехнулся волк. – Возможно. Ты сама захотела всё испортить, заговорив про детей и брак. Я считал, у тебя это пройдет, но ты просто помешалась на этом. Зачем всё рушить, Вилли?

– Я всё разрушаю? – с еще большим недоумением повторила девушка. – Я?

– Именно, – не отступил оборотень. – Я тебе четко говорил, что не хочу детей и никогда их не заведу. Плач, пелёнки, погрызенные тапки, писк, лужи по всему дому... ответственность за кого-то привязчивого, – волк говорил с отвращением, но голос его всё же дрогнул. – Без меня все это, пожалуйста. Почему ты решила, что я могу передумать?

– Потому что ты никогда не возражал, когда я говорила о семье и детях, до того, как переехала к тебе, – соседкам не было видно, но в голосе волчицы явно чувствовались едва сдерживаемые слезы. Дамы за забором сочувственно переглянулись. – Ты знал, что у меня большая семья. Знал, что я люблю детей. Ты сам позвал меня жить вместе. Я думала, твоё мнение изменилось, потому что у нас все по-настоящему. Что в будущем ты не против детей, я же не заставляю их делать прямо сейчас. Думала, раз у нас настоящая любовь...

– Ну, не плачь, – голос мужчины одновременно был виноватым и раздраженным. – Вилда... я правда хочу быть с тобой. Но без детей!

– Не понимаю, почему?! Гейб, неужели это из-за того, что ты сирота? Я знаю, что для тебя это больно, но...

– Вилли, – прорычал волк. – Я не собираюсь это обсуждать. Я не хочу детей и точка. Ты прекрасно знаешь, что, пройди мы обряд бракосочетания, ты сможешь забеременеть. Зачем нам это? Почему просто не жить вместе, безопасно заниматься любовью, радовать друг друга? Откажись от этой мысли навсегда, забудем все и будем жить как раньше...

– Так ты меня перед таким выбором ставишь? – глухо проговорила волчица.

Сосед едва не взвыл от раздражения.

– Зачем выбирать? Вот я, весь твой. Зачем нам дети? Зачем нам еще кто-то? Вилли, ну не дури. Иди ко мне.

– Нет. Я опаздываю, лекция через полчаса, – почти неслышно отказалась девушка.

– Хорошо, – он выдохнул с порыванием. – Остынь, подумай. Буду ждать тебя после учебы. Мне на дежурство в ночь, поэтому сможем договорить, когда вернешься. Или, может, ты меня уже поняла?

Волчица не ответила. Хлопнула дверь, мимо простучали каблучки, а в доме не дождавшийся ответа мужчина выругался. Раздался звук, будто кулаком ударили по столу.

Старушки затаили дыхание. Сосед-оборотень поселился в этом доме лет пять назад и спокойно влился в местное пестрое сообщество – ибо жили как в центре столицы, так и здесь, на окраине, представители всех рас многорасовой Эринетты. Он не искал общения, скорее, даже был нелюдим, тем не менее, уважительно относился к пожилым дамам-людинкам, почти не бегал от их бесконечных вопросов и отвечал с юмором, хотя его нельзя было назвать весельчаком и душой компании. Как-то раз он заметил, что у домика соседок покосился забор и сам подправил его, затем снял с яблони их кота ... и старушки, прочухав, что сосед явно умеет работать руками, вовсю принялись использовать его как мужчину: то дверь починить, то трубу переложить. Оборотень с непроизносимым именем Гейбртерих никогда не отказывался, и помимо физической подмоги давал охочим до сплетен тетушкам пищу для фантазий и чесания языком.

Бабульки в свою очередь то и дело угощали волка вкусностями и даже иногда по договоренности готовили ему еду на целую неделю, ибо в домашнем хозяйстве сосед был абсолютно беспомощен. Немногие попытки что-либо приготовить неизменно заканчивались чадом от сгоревших кастрюль и сковородок. Вонь и ругань при этом стояли на всю улицу. Выброшенных на помойку кулинарных экспериментов гнушались даже бродячие собаки. Мытье посуды и уборка также не входили в число талантов мейза Гроула. Зато в свободное от работы (и женщин) время он постоянно сидел на крыльце и что-то мастерил из дерева – то стул с чудными завитушками, то набор ложек, то поднос с искусно вырезанными цветами.

– Жену ему надо хорошую, – ворчала мейсис Катерина, наблюдая за холостяцким бытом.

Мысль прижилась и стала, как это водится у сплетниц, материальной. Вскоре вся округа знала, что привлекательный волк, офицер полиции, ищет жену. И кого только не перебывало в гостеприимном саду старушек – и дочь булочника, и сестра орка-кузнеца, и даже эльфийки с гномками из простых, неаристократичных. Но Гейбртерих лишь кивал на звонкие приветствия, отказывался от приглашений старушек выпить чаю, оборачивался и убегал в дом. Или из дому, если дамы были сильно настойчивы.

Нет, иногда он приводил домой женщин, но больше нескольких ночей они не задерживались. Так продолжалось до прошлой зимы.

Вилду Хэдвиг дамы увидели с полгода назад. А с момента, как она переехала к соседу, прошел месяц.

– Как вы познакомились? – словно невзначай спросила как-то мейсис Нина у расслабившейся за распитием чая волчицы, которую специально пригласили для получения детальной информации из первых уст. Сестры заинтересованно склонились над столом.

– Они устраивали облаву недалеко от моих финансовых курсов, – ответила Вилда с легкой улыбкой. – Я как раз выходила из университета, и Гейб спас меня из-под колес паромобиля, которым управлял сбежавший от полиции гном-фальшивомонетчик. А я от испуга и неожиданности обернулась в волчицу и прокусила Гейбу руку. Пришла потом в отделение извиняться, а он засмеялся и пошутил: «Прощу, если выпьете со мной грога в кафетерии». Пришлось соглашаться.

И она мечтательно улыбнулась.

Дамы прекрасно помнили, какими счастливыми казались эти двое в начале отношений. Такие красивые и похожие – оба высокие, крепкие, с белыми прядями в черных волосах и желтыми глазами, как у всех волков-оборотней. Как прямо здесь, в саду, занимались такими непотребствами, что у мейсис Нины розы от стыда розовели. Как спали теплыми ночами на лужайке под окнами, прижавшись шерстяными боками друг к другу, сидели вечерами на качелях в саду и над чем-то смеялись. Из дома постоянно доносились счастливые вздохи, разговоры, хохот.

А последние дни в доме стало тихо и напряжённо, волк был раздражённым и мрачным, волчица – тихой и задумчивой.

– Она такая молоденькая и наивная еще, – с сердцем проговорила мейсис Катерина. – Эх! Все они, мужики, одинаковы, хоть с хвостом, хоть нет.

С самого обеда старушки дожидались развязки, строя предположения и развлекаясь наблюдением за курсирующими туда-сюда дирижаблями: недавно королева Эринетты открыла новый воздушный порт. Когда мимо промелькнула высокая стройная фигура, обе мейсис были на своем наблюдательном пункте и зорко бдели в заборные щели.

– Ты подумала? – раздался из окна голос соседа.

– А ты? – ответила волчица.

– Мое мнение не изменилось, Вилли.

– Тогда проговорю для ясности, – голос девушки был холоден и спокоен, от утренних нервов не осталось ни следа. – Ты ставишь меня перед выбором. Либо я навсегда отказываюсь от мыслей о детях и остаюсь с тобой, либо ты хочешь, чтобы я прямо сейчас ушла. Потому что даже через десять лет ты не передумаешь.

– Все верно, – тяжело ответил оборотень.

– Тогда... катись ты к радужным эльфам, Гейб! Ты сам еще эгоистичный ребенок, а не взрослый мужчина. Я собираю вещи.

Через несколько минут на крыльцо выскочила девушка, волоча за собой пухлый саквояж, из щелей которого торчали наспех собранные вещи, и потянула его по дорожке к калитке мимо роз и зеленой лужайки. Сосед вышел следом, остановился, сложив руки на груди. Ноздри его раздувались, как будто он сдерживал рычание.

Сёстры переглянулись с взволнованным видом и снова уставились в щель.

– Ты же не пойдешь пешком? Я вызвал тебе таксо, – крикнул он вслед.

– Надо же, какая забота, – бросила волчица через плечо. Из глаз ее катились слезы. – Или ты боишься, что я буду сидеть под забором и не уеду, пока не передумаешь? – и она махнула рукой на забор. Бабушки споро присели пониже.

– Я не передумаю, – громко прорычал Гейб. – А ты потом скажешь мне спасибо за честность!

– Спасибо! – с издевкой откликнулась девушка.

– Не верю, что ты уходишь от меня из-за такой ерунды. Значит, я тебе не нужен, а все твои слова о любви – вранье? Ну что же, беги-беги! Найдешь стоворчивого идиота, с которым нарожаешь толпу слюнявых привязчивых щенков!

Девушка вытерла кулаком щеки и внезапно успокоилась. Развернулась. Словно приняла решение и отрезала все ненужное.

– Как ты добр, – проговорила она с горькой насмешкой. – И честен. Настоящий свободный волк, любви которого я недостойна, раз мне нужны шенки. А может, это ты малодушный трус и не достоин моей любви, Гейбртерих Гроул?

– Вилда, не надо драмы, – поморщился Гейб.

– Великий Вожак говорил, что наши страхи нас всегда настигают. – Вилда выпрямилась, голос стал звучным, как удар колокола. – Запомни мои слова – и тебя настигнет твой самый большой страх! Настигнет рано или поздно и будет с тобой до конца твоих дней!

Это прозвучало как проклятие, и Гроул, нахмурившись, сделал движение вперед, словно хотел остановить или что-то сказать, но под вопль клаксона подъехавшего паромобиля девушка подхватила саквояж и почти выбежала из калитки.

Старушки-соседки, уже не таясь, проследили за отъезжающим паромобилем и резво бросились в дом – за шляпками, припудрить носики и отправиться разносить по округе горячую новость.

Гейбртерих Гроул, не оглядываясь, вернулся в опустевший дом. Проклятий он не боялся – мало ли его проклинали, при его-то службе. Однако сердце билось отчаянно и почему-то болело.

– Я все сделал правильно, – проворчал он себе в зеркале в ванной и потер заросшую щетиной щеку. – Абсолютно все. И хватит думать об этом!

Горячий душ и стакан лимонада помогли вернуть самообладание. Через час он, обернувшись в волка и кивая знакомым и соседям, совершавшим вечерний променад, порысил в центр, в управление полицейской стражи Веншица, где уже два года служил в подразделении быстрого реагирования.

Первые две недели он бесился, но держался. Затем плюнул и пошел к Вилде в университет – попробовать еще раз поговорить, уговорить, объяснить свою позицию, сказать, что она ему нужна.

Но ему сказали, что Вилда Хедвиг две недели назад забрала документы с финансовых курсов. Подруга волчицы, которую он выследил после занятий, на вопрос, не возвращалась ли Вилда в их домик, где они раньше вместе снимали комнату, покачала головой.

Он покрутился по столице еще две недели, пытаясь найти хоть кого-то, кто мог дать нужную информацию, тоскуя и по ночам подвывая на лужайке на луну и пугая соседок. А потом подал заявление на отпуск и рванул на север, туда, где находились земли клана Хедвиг. Но он успел пробежать по землям клана лишь несколько миль, когда ему навстречу вышел отец и братья Вилды. Он видел их фотографии у волчицы.

Увы, тёплой семейной встречи не вышло – узнав, кто перед ним, отец взревел: «Так это из-за тебя я не знаю, где сейчас дочь?»

Сразу за этим последовала драка, и Гроул искренне старался не навредить родне Вилли, ибо она бы его за это по голове не погладила. Сказать по правде, родня Вилли вовсе не боялась её огорчить, и Гейба знатно потрепали. Чтобы совсем не загрызли, пришлось не остаться в долгу, и Гроул ушел с земель клана на своих четверых, чувствуя на зубах кровь противников и следы чужих зубов на загровке и ляжках.

Он ещё долго наводил справки, делал запросы через полицию во все волчьи кланы Эринетты, но ответа не было. И постепенно Гейб вынужден был смириться. Потихоньку жизнь и работа помогли отрешиться и увериться, что он все сделал правильно. И что все к лучшему – ведь он в любом случае не мог бы предложить ей того, что она заслуживала.

Но при мыслях о том, что Вилда, возможно, сейчас уже нянчит щенят с мужем, ему становилось так тоскливо, что снова хотелось выть на луну.

– Главное, чтобы была жива, – говорил он себе и занимал руки вырезанием из дерева.

У него с тех пор было много женщин, но ни с одной не было так легко и тепло, как с ней. А постепенно он и вовсе начал предпочитать проводить свободное время на охоте в лесу или за работой с деревом. Хотя, конечно, куда же здоровому мужику без женских объятий?

ГЛАВА 2. Когда исполняются проклятья

*«Амулеты и заговоры, а также травы и порошки, потребные
жене, коли ваш волк закозлил»*

Раздел в «Тайной книге оборотнищ»

Десять лет спустя

Гейбртерих Гроул уже четыре месяца не спал нормально, не ел и почти не заходил в родное управление. Веншиц совсем недавно пережил массовое поднятие нежити в катакомбах под городом, большую эльфийско-гномскую свадьбу и свадьбу королевы (*прим.: об этих событиях можно прочитать в книге «Беги, а то заколдую!»*). Теперь же столица переживала охоту на бандитов.

А все потому, что несколько мафиозных кланов не поделили город и ухитрились устроить на одной из торговых площадей Веншина банальную разборку с, увы, небанальным применением магии. Все бы ничего, но произошло это ровно в тот день, когда королева Миррей с супругом, бывшим ректором магической академии, но вполне себе настоящим принцем-консортом, героем и придворным магом магистром Корнелиусом Фраем отбывала в морской круиз на медовый месяц.

Эринетта была многонациональным государством, а в столице и вовсе причудливо уживались все расы: от гномов до русалок, – поэтому и бандитские кланы были разномастные.

Однако в тот день по столице скакали совершенно одинаковые разумные лягушки: заклинания противоборствующих магов и общий хаос вошли в резонанс, и бандиты, торговцы и прочие горожане – гномы, эльфы, оборотни, орки и люди – становились одинаково зелеными и квакающими и упрыгивали с площади в разные стороны.

Ко всему прочему, под заклинание попал личный повар королевы, который сам всегда выбирал продукты к столу ее величества и угодил в заварушку по дороге на рынок. Потому-то отъезд пришлось отложить на несколько дней, до того момента, когда ему вернут человеческий облик (а как, скажите на милость, без рук шупать окорока и без зубов пробовать булочки на мягкость?).

Также особенно сильные затруднения у магистра вызвало возвращение первоначального облика королевскому виночерпию, уже однажды пострадавшему от магии и довольно долго пугавшему кухонную челядь шупальцами. В силу некоторых его особенностей жаба, в которую он превратился, была нежно-голубого цвета.

Королева была очень недовольна.

– И это значит, что мой медовый месяц откладывается, – выслушав доклад о происшествии на совете министров, резюмировала ее величество, опасно поблескивая клычками на нижней челюсти. Министр полиции лерд Фритрик упорно и почтительно смотрел на высокую светлую прическу королевы Миррей, ибо ее серые глаза полны были недовольством, а чуть зеленоватая кожа щек – наследие оркских предков – подернулась румянцем гнева. Все уже успели понять, что несмотря на счастливое замужество и присутствующего тут же супруга, ее величество не разлюбила устраивать подчиненным показательные порки.

Магистр, к слову, в разборе полетов не участвовал, он споро что-то писал на листе бумаги, хмурился, черкал, что-то сам себе говорил вполголоса. Ее величество поглядывала на по-военному статного мужа с осязтимой гордостью, как на победителя степных скачек на овцебыках.

– Мы сделаем все возможное, ваше величество, – пообещал министр полиции, когда королева все же пригвоздила его взглядом к спинке кресла.

– Сделайте и невозможное тоже, – королева шлепнула сухощавой рукой по столу, и все вздрогнули, будто удар пришелся по чьему-то филею. – Но чтобы к моему дню рождения главарей всех банд арестовали, а город зачистили, – сдвинула она брови. – Я хочу отпраздновать пятьдесят шесть лет в мирной столице, в которой добрые граждане спокойно ходят на рынок, а преступники строгают табуретки в тюрьмах. Я понятно изложила свои требования?

– Исключительно, ваше величество, – проблеял министр. – Разрешите идти выполнять приказ?

– Идите, все идите, – раздраженно махнула рукой королева, и потрепанные подданные поспешно удалились. Министр полиции успел услышать, как заговорил магистр.

– Миррей, – сказал он спокойно, – ну что ты расстроилась? Повара я расколдую, хотя из-за смешения заклятий и хаоса формулу было вывести сложно. Уже сегодня он сможет отбыть на судно. А мы там будем уже вечером. Переночуем под звездами.

– Я не расстроилась, Корнелиус, я знала, что ты это решишь, – довольно мурлыкнула королева, в которой иногда просыпалась утонченность то ли предков-эльфов, то ли еще какой расы из богатой родословной. – Я просто слегка размялась перед обедом.

Послышались нежные воркования, и последний уходящий поспешно захлопнул дверь, дабы в лягушку не превратили уже его.

Министр, получив нагоняй, передал импульс начальнику столичной полицейской стражи, начальник – главам сыскных отделений. Те уже так накрутили подчиненных, что не успел за королевой с супругом закрыться телепорт на побережье, как раскрываемость повысилась в десять раз, а возможность выспаться и отдохнуть простым стражникам – во столько же раз понизилась.

– Ее величество очень недовольна, что в медовый месяц её отвлекают разборки кланов, – с чувством сообщил полковник Норминн сыскарям и стражам групп быстрого реагирования. – Поэтому, ребята, мы не спим, не едим и дышим через раз, пока не арестуем всех нарушителей, преступников и подозрительных!

Но Гейб не жаловался: у него был личный зуб на бандитов. В ту самую пору, когда банды решили выяснить отношения, он прогуливался по площади с намерением завернуть в таверну, выпить пива и приглядеться (с прицелом на недалёкое будущее) к хорошеньким официанткам. Вместо этого он сначала увидел вспышку зеленого цвета, а затем неделю прыгал лягушкой, ибо магистр Корнелиус расколдовывал только повара да виночерпия, а всех остальных – его ученики, недавно поженившиеся Эбигейл Горни и Натаниэль Вудхаус.

Эти двое не нашли ничего лучше, чем совместить снятие заклятия с практикой студентов магуниверситета, и поэтому своей очереди пришлось ждать долго. Наквакавшийся Гейб и без импульса от начальства был готов встряхнуть из всех бандитов душу.

Сейчас Гейбртерих Гроул с товарищами по сыску готовился к захвату дома Кирберта Гарэйла – оборотня, главы одного из преступных кланов, устроивших магическую драку, выпившего зачинщиком беспорядков. Его огромная усадьба находилась среди домов старейших фамилий столицы, на центральном проспекте, который шел от королевского дворца до городской ратуши.

Кирберт был неприлично богат, состоял в нескольких аристократических клубах, не будучи аристократом (но деньги и связи открывают и не такие двери) и выглядел приличным законопослушным подданным – из тех, что и с министрами ручкаются, и с начальником полиции, бывает, встречаются за одним столом в гостях. Однако шептались, что клан проворачивает незаконные дела вроде торговли оружием, запрещенными магпрепаратами и даже полумудрыми существами вроде пегасов и горгулий.

Кирберт никого не убивал, но по его приказу мешавшего ему могли вывезти в орочьи степи или на русалочки острова в Перловицу, а что уж там с ними происходило – его, Кирберта, никак не касалось. Доказательств причастности Гарэйла, как водится, не хватало. До последнего случая – когда случайно удалось поймать членов банды на преступлении.

Гейб с раннего утра следил за подручными Кирберта, гномом и орком, которые спешно куда-то уехали из особняка. Он волком провел их паромобиль до таверны на окраине Веншица, вошел внутрь, увидел, как они садятся в угол и требуют подавальщицу. А затем Гейб, ненавязчиво затесавшись в разношерстную компанию завтракающих строителей, услышал проповедь старичка-друида, жреца природы из тех блаженных эльфов, что помешаны на почитании природы и предпочитают общение с животными общению с людьми и прочими тварями. Впрочем, Гейб имел удовольствие общаться с эльфами, и поэтому друида, предпочётшего соотечественникам существ безмолвных, вполне понимал.

Проповедь старичок толкал со знанием дела, с убежденностью, одновременно с и кроткими и горящими глазами – и был столь убедителен, что верилось, что он, как и полагается друидам, спокойно мог разговаривать и с деревьями, и с пегасами, и с единорогами, и с горгульями и прочими неразговорчивыми (и несговорчивыми) полуразумными животными. Да что там говорить, этот блаженный ухитрился и Гейба заговорить так, что волк едва не решил отправиться путешествовать вместе с ним в качестве служки. А Гейб знал, что он иногда еще то несговорчивое животное.

Только Великому Вожаку ведомо, зачем бандиту Кирберту потребовался старик, тем более что тот и не пытался сопротивляться – лишь как-то странно ухмыльнулся в ответ на «пойдем-ка с нами, просветленный, работа для тебя есть», покорно позволил подхватить себя под локти и повлечь в паромобиль. А вся таверна стыдливо отвернулась – видимо, подчиненных Гарэйла тут хорошо знали.

Гроул, не веря своей удаче, подождал, пока заревет мотор паромобилia, а затем, обернувшись волком, понесся следом, держась вне поля видимости. Надо было предупредить группу наблюдающих за особняком Кирберта и послать запрос на захват.

К настоящему моменту в доме Кирберта друид находился уже больше часа, и главара вполне можно было брать на похищении разумного. А заодно и всех, кто там был в это время, определить на казённые харчи.

Увы, разрешение на захват от полковника Норминна было получено ровно в тот момент, когда дом Кирберта изнутри полыхнул зеленым светом. Свет этот как-то странно повлиял на окружающие дом деревья – они мгновенно уменьшились в размерах, зазеленели нежной листвой. Матёрый черный кот с рваным ухом, вопивший у печной трубы так, словно на дворе был март, а не август, мявкнул и превратился в милого котёночка.

Гейб побледнел – не дай Пряха друид отправился к Первоэльфу, эльфы замучают претензиями и требованием сатисфакций всех до последнего стражника. Или жрец проклял всех так, что опять сейчас попрыгают лягушки. Или кролики, зелёные.

– Вперед! – крикнул он. – Всех брать живыми!

Первое, что смутило Гейба, когда они перебрались через ограду – из окон отчетливо слышался разномастный детский плач. Второе – очень помолодевший и обзаведшийся длинными светлыми волосами друид-эльф, который поднял голову и помахал группе захвата, не вставая с мраморного, украшенного резными вазами крыльца. Теперь похищенный был совсем отдаленно похож на себя в обличье эльфа – куда-то делась изящная фигура, морщины и острые кончики ушей, и друид теперь выглядел не просветленно, а очень внушительно и хищно. И очень знакомо, а Гейб никогда не жаловался на память.

«Друид» лениво поглаживал двух крошечных виверн, которые тыкались ему в ладонь носами и жалобно пищали, подсакивая и взлетая на маленьких крылышках. В другой руке он держал кусок сырого мяса, которое отрывал острыми и крепкими зубами и по кусочку скармливал детенышам.

– Все в дом, этого не трогать, двое на охране ворот! – приказал Гейбртерих и настороженно подошел к лже-эльфу. – Как ты изменился, пресветлый, – невольно вырвалось у оборотня, пока его коллеги обтекали крыльцо и проникали в дом. – Ты теперь копия дракона Миль-Авентиса. Не знаком, случайно? В газетах печатали и в фас, и в профиль... Говорят, любовник королевы и новый ректор магического университета...

– К сожалению, даже мне приходится довольствоваться чем-то одним, – притворно опечалился дракон. – А у тебя хорошая память, волчонок. Так что, ты арестовать меня пришёл?

– Работа такая, – коротко бросил Гейб, не поддаваясь на провокацию, и тут же поморщился от детского плача, доносящегося из дома.

– Тут одни младенцы! – крикнул из дома напарник Гейба, Маккензи. – Гномьи дети, орочьи дети, мать их! Человеческие! Откуда они взялись?

Дракон сделал невинные глаза и усиленно принялся гладить сытых сонных виверн.

Гейбртерих бросился в дом – действительно, в накуренных комнатах, на кухне, где стояли кружки с пивом и тарелки с закуской, в коридорах на одежде – везде пищали, орали, ползали по мраморным полам младенцы. От обилия детей ему сделалось дурно, и он бегом вернулся обратно, отдышаться. Дракон неспешно уходил, унося под мышками своих виверн. Стражники-люди, оставленные охранять вход, смотрели словно сквозь «друида».

– Что ты сделал с бандой? – крикнул ему Гейб в спину.

– Немножечко проклял, – невозмутимо ответил Миль-Авентис, обернувшись. – Они торговали волшебными разумными существами, удерживали их в неволе. Я выслеживал их несколько недель после того как они украли детей у моих знакомых виверн. Мог бы, конечно, испепелить, но это так скучно!

– А проклятья – весело? – злобно уточнил Гейбртерих, понимая, что этого шутника даже сама королева к ответу призвать не сможет. И допросить его не получится.

– Конечно, весело, – хмыкнул дракон. – Да ты и сам об этом знаешь, правда? – он подмигнул. – Или скоро узнаешь.

Гроул начал раздражаться.

– Когда мы сможем их допросить? – рыкнул он. – Когда твое проклятье спадет?

– Никогда, – пожал плечами дракон. – Я обратил их возраст вспять, сделал снова маленькими и невинными. Они не помнят, кто они, что они делали во взрослом возрасте. Давненько я такого не проделывал, – он покрутил-похрустел шеей. – Подзабыл уже что и как. Поэтому никогда.

– И они навсегда останутся сопливыми младенцами? – Гроул схватился за голову и в прямом смысле рвал на себе волосы. Дракон хохотал.

– Почему? – удивился Миль-Авентис, отсмеявшись. – Они будут расти, как положено детям. Станут взрослыми, затем состарятся и умрут. Проживут новую жизнь.

– А разве Пряха не прядет каждому один путь? – поинтересовался Гроул. – Который нельзя изменить?

– Зачем бы ей это делать? – хмыкнул дракон. – Это же скучно, волчонок. Запомни – изменить жизнь можно в любой момент. А иногда и нужно. Особенно если ты – злодей.

– То есть допросить я их не смогу никогда, – повторил Гроул ворчливо, смиряясь с неизбежным.

– Точно, – подтвердил дракон. – Смотри, какой ты понятливый, волчонок, аж с пятого раза все понял! Умник!

Гейб рыкнул, и дракон захохотал.

– Зато они получили шанс прожить жизнь по-другому, – серьезно добавил он. – Любопытно будет взглянуть, что из них вырастет на этот раз. Не все получают шанс исправить свои ошибки, но сегодня я отчего-то щедр. Ну все, прощай, волчонок. Будут вопросы – ищи меня в университете.

И он сделал небрежный жест, на глазах Гейба становясь невидимым вместе с вивернами. Ворота хлопнули, стражи так и не пошевелились, словно не слышали разговора и не видели никого.

Гроул с досады рыкнул и пошел внутрь дома. Нужно было запротоколировать осмотр дома и доложить обо всем начальству.

Через пару часов все маленькие бандиты были учтены, внесены в списки и отправлены в лечебницу. Гномские и орочьи кланы были поставлены в известность о появлении неожиданных младенцев, и всех до утра должны были забрать близкие и дальние родственники. Малыши-люди, скорее всего, отправятся в приют, если у них не найдется родственников, желающих забрать их к себе.

А куда делся сам Кирберт, было непонятно. Ни одного щенка-оборотня среди детей обнаружено не было. Гейб напрасно вместе с коллегами-оборотнями обнюхивал стены, полы, двери. Ни-че-го.

Гейб, по правде сказать, искал его очень осторожно. Потому что был один нюанс...

– Гроул, что с тобой? – ткнул его локтем напарник, Льялл Маккензи. – Ты как бомбу ищешь, а не щенка.

– Предпочитаю, чтобы его нашел кто-нибудь другой, – пробурчал Гроул. – Если вдруг он еще не открыл глаза, понимаешь?

– Да брось! – махнул рукой Маккензи. – Ты же видел, тут все обратились в ребяню по возрасту около года. А наши волчата открывают глаза в месяц. Вдобавок наверняка есть кто-то, кого Кирберт запечатлел в прошлой жизни. Вряд ли привязка может случиться повторно...

– Ладно, – чуть повеселев, успокоился Гейб. – Я пойду еще второй этаж проверю.

– Наши там обнюхали уже все, – напомнил Мак. – Его там точно нет.

– Я знаю, – со значением подмигнул Гроул и взбежал по ступеням вверх под возмущенный вопль напарника.

С Маком они познакомились и сдружились уже после перевода Гроула на нынешний участок, и, хотя все коллеги были в товарищеских отношениях, можно было сказать, что ближе друга у Гейба не было. Клан Маккензи жил под столицей и был настолько продвинутым, что совершенно спокойно принял бескланового Гроула гостем на своих землях.

К бесклановым оборотням инстинктивно относились с предубеждением – потому что единственный путь, которым волк мог остаться без клана, это совершение настолько серьезного преступления, что глава решил не наказывать виновника лично, а изгнать. Сирот у оборотней не бывало – ведь никогда не случалось так, чтобы из клана не осталось никого из взрослых волков, и некому было взять сироту на воспитание.

Почти никогда не бывало, если уж точнее. В это «почти» и попал Гейб. За свою жизнь он довольно вкусил отторжения от сородичей, да и в полицию-то пошел, если уж совсем честно, чтобы профессия дала защиту от подозрений. Так-то его тянуло к работе с деревом. Но и значок стражи не всех убеждал в том, что он благонадежен – против традиций трудно идти. Тем удивительнее было отношение клана Мака.

Матушка Льялла, радушная пышная оборотница, и вовсе приняла его если не как сына, то как любимого племянника.

– У меня был один мальчишка и семеро дочек, – ворчала она добродушно, помахивая черпаком у плиты. – А теперь двое. Ешьте, волчата, ешьте.

И муж ее, глава клана, дружащий с начальником полиции, не обливал Гейба презрением и не подозревал в нем преступника. Может, дело было в том, что они знали, что Мак разбирается и в людях, и в оборотнях. А может, изучили дело Гроула и поняли, что ничего преступного в его прошлом нет. Гейб старался об этом не думать.

– Нашел? – то и дело орал снизу Мак.

– Нет, – радостно прокричал в который раз Гейб. И только собирался пойти вниз, как краем уха уловил то ли писк, то ли мяуканье со стороны кабинета Кирберта...

– Постой, постой, – пробормотал он, неслышно направляясь к обитой деревянными панелями стенке, из-за которой на грани слуха и доносился писк. – А где это?..

Ему хотелось бежать, но память услужливо подсунула картинки, как страшно ребёнку находиться в одиночестве.

Гейб, согнувшись в три погибели, готовясь отпрыгивать, если что, обнюхал до самого пола три высокие – на полстены – панели. Из-за одной из них явственно тянуло щенячьим запахом.

– Да быть не может, – буркнул он, простукивая и прожимая панель. При очередном заходе он нажал на один из завитков орнамента, и высокая панель отошла в сторону, образуя проход в большой и темный второй кабинет. Он был куда более роскошным, по стенам угадывались драгоценные статуи и картины, пахло дорогими сигарами. Осветительный амулет поблескивал во тьме – возможно, разрядился из-за заклинания дракона.

Гейб склонился, вглядываясь в темноту. Если бы не едва уловимый среди табака щенячий запах, ему бы показалось, что там никого нет. Он уже подумал, что ему показалось, но затем вдруг в темноте блеснули глаза. А после обнаруженный волчонок заскулил-заплакал и пополз, дрожа и путаясь в лапах, к Гроулу.

У оборотня аж шерсть на спине от страха встала дыбом. Он старательно зажмурился. Гейб не сильно разбирался в детях, даже в детях оборотней. Он всю жизнь старался держаться от них подальше. Но даже с таким ничтожным опытом он понимал, что волчонку никак не может быть год. Что ему не больше двух месяцев.

Но глаза-то были уже открыты!

«Прекрати трусить, – грозно сказал он себе. – Ничего не случилось же! Ты ведь ничего не ощущаешь?», – и он с усилием заставил себя открыть глаза. Мелкий был уже у его ног, тыкался носом в ботинок.

– Ты тут творил свои делишки? – оборотень, преодолев содрогание, подхватил сородича на руки и уныло произнес: – Вы арестованы, Кирберт Гарэйл, вам предъявлено обвинение в похищении и удержании... – он потряс ладонями, ибо найденыш решил сразу спасителя пометить. – Сейчас обратно засуну! – пригрозил он, но волчонок лишь зевнул, вывалив розовый язык, и заснул прямо на руках. Он продолжал дрожать, и понятно было, что это ненормально.

– Ого, – проговорил напарник, появляясь в дверях кабинета. – Вот и наш старик. Озабочен созданием тайного кабинета, ишь ты!

– Лучше б он спасением души озабочился, – буркнул Гейб. – И поменьше гадостей творил.

Щенок закричал, и прямо в его руках превратился в крошечного младенца, тут же захныкавшего, не просыпаясь.

– Выглядит очень злодейски, – заржал Маккензи. – Но он явно очень маленький... слушай, он, похоже, совсем недавно открыл глаза. Ты куда? – с удивлением крикнул он вслед Гроулу.

– Сдам его в надежные руки! – прорычал оборотень, в панике прижимая к себе ребенка и сбега по лестнице. – Скоро вернусь, Мак!

ГЛАВА 3. Эти глаза напротив

*«Уход за детьми, их кормление, укладывание, вытирание соплей, воспитание и прочее, не требующее большого ума, возлагается на мать. Оценку же того, как жена справляется, следует брать на себя отцу»
«Уложение», глава восьмая.*

– Он истощен и испуган, – говорил лекарь-эльф в ведомственной больнице. – Ему нужен присмотр и уход. В ближайшие месяцы могут быть проблемы со сном.

– Но ведь тут есть кому присмотреть за подозреваемым, мейз? – нетерпеливо попросил Гейб.

Лекарь скептически посмотрел на щенка, который, сладко зевая, поливал струйкой ножку кровати. «Подозреваемый» твякнул и, чуть косолапя и высоко поднимая лапки, радостно побежал к Гроулу. Тот вскочил, отошел подальше.

– Конечно, – кивнул лекарь. – Вы можете идти.

Гейб вернулся на место преступления. Дом был полон полицейскими стражниками. Было много работы по сбору улик, так что домой он вернулся уже поздно ночью, злой и уставший как собака.

Магический визор ожил почти сразу, как он вошел в дом.

– Капитан Гроул? – проговорил он голосом лекаря. – У нас большая проблема. Я вам весь вечер пытаюсь довизороваться. Что же вы не сказали, что нашли ребенка в момент первого открытия глаз?

– Нет-нет. Нет. Я нашел, когда глаза были уже открыты, – с ощущением, что он тонет, а на него движется большой и гулкий пароход, отрезал Гроул. И с тайной надеждой, что речь все же о чем-то другом, спросил: – А что случилось?

– Кто из нас оборотень, вы или я? – с легким раздражением спросил собеседник. – У ребенка случилось запечатление, импринтинг. Вы должны знать, что это такое. Происходит у щенков оборотней в месяц при первом открытии глаз, если родителей нет в живых. Это механизм выживания. Ранее, когда оборотни жили закрытыми кланами, привязки всегда происходили ко взрослому оборотню и со временем крепили и становились взаимны. Но с расселением кланов... если кратко, то щенку повезло, что его нашли вы, а не представитель другой расы.

Гроула передернуло. В голове шумело.

– Он весь оставшийся день скулил и успокоился только когда добрался до стула, на котором вы сидели днем, – безжалостно добавил врач. – Он отказывается есть, пришлось поставить ему капельницу. Хорошо, что у нас есть медсестра из оборотней, она и поняла, что произошло запечатление. Сейчас ребенок снова спит. Вам необходимо как можно быстрее забрать его. Иначе он погибнет.

– Но откуда ж мне было знать, что это первое открытие глаз... я бы тогда к нему и не приблизился! Я не могу взять ребенка, – тупо проговорил Гроул в визор. – Где я и где ребенок? Да и какой он ребенок? Он бандит, контрабандист. Вы что?

– Сейчас он – ребенок, которого вы обрекаете на мучительную смерть, – сухо повторил врач. – Вы обязаны его забрать.

– Да я вообще ничего не знаю о детях! – в отчаянии прорычал Гроул. – Я перепутаю, куда кормить, а что вытирать!

– Вы хотите сказать, что тупее самой глупой молодой матери, Гроул? Стыдитесь! Мозги есть – узнаете. Руки есть – покормить и вытереть задницу сможете.

– Но можно же что-то сделать, чтобы я им не занимался?

– Это вы у меня спрашиваете? В лекарском пособии четко написано: маленькие оборотни не выживают без того, на кого запечатлены, если этот кто-то жив.

– Это я знаю, – глухо сказал Гроул.

– Хотите спасти его, самоубившись? Хватит выделяться, Гроул, приезжайте и заберите ребенка, – приказал эльф. – Немедленно! Я подготовил бумаги на опеку, вашему начальству ситуация разъяснена. Вам поручено забрать и опекать подозреваемого до совершеннолетия. Завтра вас ждут в участке, за приказом.

В аптеке было темно и тихо – пациентов здесь всегда было не много, за исключением дней, когда проводились крупные операции и поступали раненые. А так днём какой-нибудь чин лечил подагру или тёща министра пестовала мигрень. В тишине слышался пронзительный царапающий плач, такой тоскливый, что у Гроула сжалось сердце.

Дежурная сестра, пожилая волчица в крахмальной косынке и белоснежном фартуке поверх тёмного форменного платья, качала заходящегося криком младенца. Лицо её было красным и сердитым.

– Здравствуйте, – поздоровался Гейб, чувствуя себя неловко.

– Здравствуйте, – нелюбезно ответила сестра. – Явились, наконец!

Гроул немного удивился. Ему приходилось часто бывать здесь – и сам залетал с ранениями, и коллег навещал, так что со всем персоналом был знаком и даже дружен. К тому же не было ни одной женщины от оборотницы до дриады, кто осталась бы равнодушной к его обаянию.

Малыш на руках у женщины завозился и весь вытянулся стрункой, выкарабкиваясь из рук. Не переставая плакать, потянулся к оборотню, дрыгая ручками и ножками, выпутываясь из пелёнок. Сестра с облегчением сунула его в руки Гейба и потёрла поясницу.

– Так, приданое на первое время мы ему собрали, – она протянула руку за большой корзиной. – Здесь пелёнки, распашонки, подгузники...

– Подгузники? – держа дитя в руках точно так, как он держал бы бомбу, переспросил Гроул. Бывший контрабандист перестал плакать и только тяжело вздыхал, всем тельцем прижимаясь к мужчине.

– Подгузники, – терпеливо повторила сестра. – Из прорезиненной ткани со вкладышами внутри. Бутылочки, соски. Амулет, смягчающий колики. Немного козьего молока – не забудьте подогреть, прежде чем давать ребёнку. Умеете подогревать? Наливаете молоко в бутылочку, а саму бутылочку ставите в кастрюлю с горячей водой на марлю...

У капитана голова шла кругом.

– Для каш он ещё слишком мал, – растолковывала ему сестра строго. – Соблюдайте распорядок дня – щенок месяца от роду должен спать, бодрствовать и есть вдоволь. Радуйтесь, что в человеческом облике щенята оборотней развиваются быстрее людей – малыш уже может держать голову, сидеть и ползать. Они ползают до полутора лет, а ходить начинают после полутора, даже позже людей, потому что к году развитие замедляется и постепенно сравнивается с человеческим.

В какой-то момент Гейб понял, что отключился. Слова слились в какой-то гул, он покачнулся, как будто падал в пропасть.

– Вы меня слушаете, мейз? – перед его носом щелкнули пальцами.

– Да-да, – включился Гроул. – Спать вдоволь... это хорошо...

Через минуту он стоял на крыльце с корзиной в одной руке и ребёнком в другой. Обычный способ передвижения оборотней – на своих четверых – был временно заблокирован.

– Венсан вас отвезёт на карете скорой помощи, – сказала за спиной вышедшая следом сестра. – Сейчас все кучеры пересели на паромобили, но Венсан слишком стар, чтобы учиться. Так и дрыхнет в карете всю ночь напролет.

Гейб на слове «дрыхнет» отчётливо скрипнул зубами.

Поездка на карете со знаком целителей не запомнилась Гроулу ничем. Он почти сразу уснул на заднем сиденье. Младенец копошился рядом, попискивая. Когда карета остановилась у дома, и кучер громко оповестил: «Приехали!», оборотень проснулся и зевнул.

– Спасибо, друг, – он выбрался из кареты, похлопал лошадь по крупу и пошагал к дому.

Обалдевший старик сначала решил, что его пассажир пошёл открыть дверь, а потом вернётся за ребёнком и вещами. Однако оборотень спокойно отпер дверь, вошёл и больше не возвращался.

Гроул рухнул на диван в гостиной не раздеваясь и мгновенно уснул. Двое суток без сна – чересчур даже для оборотня. Проспал, как ему показалось, минут пять, когда в дверь забарабанили.

– Кто там! Какого тролля! – рывкнул оборотень, натягивая на ухо подушку.

* * *

У старушек мейсис Нины и мейсис Катерины никогда не было такой приятной бессонницы, как сегодня. Из мезонина они наблюдали, как сначала к дому соседа подъехала карета лекарей, что было крайне удивительно – на их памяти Гроул никогда и ничем не болел и, если и лежал в больнице, то из-за ранений. Сосед вышел, а карета осталась стоять. Лошади беспокойно переступали по брусчатке. Минут через пять кучер выругался, соскочил с облучка и направился к дому.

Сперва он деликатно звонил в дверной колокольчик, потом стучал по двери кулаком, следом – ногой. В доме по-прежнему была тишина, зато из кареты слышался скулёр и царапанье.

Старик вернулся к карете, открыл дверцу. До старушек донеслось сдавленное ругательство. Кучер вынырнул из кареты, держа что-то вопящее как маленький ребенок под мышкой и корзину в другой руке, опять взбежал на крыльцо и забарабанил с утроенной силой.

– Что нужно?! – рывкнул волк, открывая дверь.

– Вот что! – Разъярённый кучер с фуражкой набекрень сунул хозяину вырывающегося щенка, которого было прекрасно видно, корзину, развернулся, добежал до кареты и умчался в ночь.

ГЛАВА 4. Дети вообще спят?

«Оборотню следует стойко переносить испытания, посланные ему Великим Вожаком, поскольку только терпением укрепляется тело и закаляется дух. Вить можно»

«Уложение», раздел «Наставление для мужа»

Гейб машинально закрыл дверь, сунул корзину под вешалку и поплёлся в спальню. Щенок радостно скулил и лизался.

– Ну, прекрати, – морщился Гроул, когда шершавый язычок щекотно прошёлся по коже у подмышки. – Ты только утром еще курил сигары, мелкий.

Посадил щенка на разворошенную кровать ближе к стенке, стащил штаны и рубашку, упал на одеяло и уснул.

Волчонок разочарованно заскулил и попытался укусить оборотня за ухо, но беззубый ротишко только облизывал его. В круглом животике заурчало, щенок завозился и обернулся голеньким мальчиком.

Гейбу снилось, что он лежит в засаде в вонючем болоте. Ночь, кричит выпь, его засасывает в глубину, а он не может выбраться. Дёрнул головой, попал рукой во что-то липкое и моментально проснулся. Он лежал на животе, рядом лежал вопящий младенец, а по подушке и одеялу растекались пятна, цвет и запах которых не позволяли их ни с чем перепутать.

– Вот же ведьмин хвост! – выругался оборотень, вскакивая и хватая ребёнка. В ванной одной рукой открыл воду, умылся, и застыл, придумывая, как бы помыть младенца. Вертел его над ванной так и эдак, примериваясь. Ребёнок надрывался от плача, и Гейб решился. Сделал воду потеплее, наполнил большой фаянсовый таз и опустил малыша в воду.

– Вроде бы ему нравится, – глядя на то, как ребёнок удивлённо моргает зелёными глазками, проговорил оборотень, энергично отмывая упругое тельце. – Завернуть во что-то... – потянул с верёвки свою рубашку, завернул дитя, завязал рукава. Гордо выпрямился, чувствуя себя круче, чем когда в одиночку скрутил банду из семи гномов и одного кентавра. Но переставший было орать мальчишка завопил снова.

– Что? Что?! – Оборотень в ужасе потряс младенца. – Не ори! Не надо! Великий Вожак, лучше бы Миль-Авентис превратил тебя в лягушку! Ты что, болен? Ты ведь не умираешь, нет?

Однако уговоры не помогали, а мелкий орал слишком требовательно для умирающего. Сквозь путанные от недосыпа мысли про смертельную болезнь в голову Гроула пробилась одна здравая. Или сыграло свою роль урчание в животе у ребенка?

– Ты голодный, что ли? – Гейб, прижав ребенка к плечу, поплёлся на кухню, достал кастрюлю, налил воды и зажёл плиту. Несложные действия, если делать их одной левой, занимают, оказывается, довольно много времени.

Пока вода грелась, оборотень со скрипом в мозгах, слышимым в ночи, вспоминал, куда он дел корзину с «приданным». На поиски ушло несколько драгоценных минут, за которые вода успела закипеть. Поэтому, когда Гейб опустил в кастрюлю бутылочку, бутылочка сделала «бумц» и треснула. Молоко вытекло, оборотень выругался, поминая мать и отца ребёнка, а также процесс его зачатия. К счастью, в корзине была еще одна бутылочка с молоком, а Гроул настолько поумнел, что додумался перелить молоко в кофеварку и подогреть.

Взмокнув от усилий, с затёкшей рукой и ухом, оглохшим от крика, оборотень сел на пол и сунул в вопящий ротик соску. Две секунды стояла благословенная тишина, а потом соска была выплюнута.

– Опять?! – простонал Гейб, пристраивая ребенка на плечо. Мелкий икнул и по плечу потекло горячее. Волк выругался, решив отмыться позже. – Что, не пошло, детёныш? Не вкусно? Может, кислое или горячее?

Попробовал.

– Нормальное молоко... ну козье, но оно все так пахнет. Давай посмотрим, может, у меня коровье осталось.

Последние десять лет раз в три дня за пару эрингов к нему приходили соседки, приносили продукты, стряпали и убирали его логово. И заодно засовывали любопытные носы везде, куда можно, но Гейб с этим смирился.

В кладовке, в которой магический кристалл поддерживал определённую температуру, Гейб обнаружил нарезанную ветчину, сыр, кровяную колбасу, половину жареной курицы, сырые свиные антрекоты и телячьи стейки.

– Молока нет, – отрывая зубами кусок ветчины, констатировал оборотень. В ответ младенец поднял силу крика ещё на пару децибел.

Часы на стене показывали половину четвёртого. Рынок открывался в пять.

Гейб натурально зарычал.

В дверь соседнего дома Гроул постучал так, словно с обыском пришёл. Открывшая ему мейсис Нина, в чепце и халате, вовсе не выглядела сонной. За её спиной мейсис Катерина была олицетворением любопытства.

– Что-то случилось, капитан Гроул? Мы так крепко спали... – фальшиво изумилась мейсис Нина.

– Доброй ночи, дамы, – нервно поклонился оборотень. – Прошу простить визит в неурочное время, но обстоятельства чрезвычайные...

Сёстры вытянули шеи, как гусыни, осматривая его, и Гейб вспомнил, что так и не отмыл плечо.

– Не могли бы вы одолжить мне немного молока?

– Молока?

– Молока, – терпеливо подтвердил Гейб, оглядываясь на свой дом.

– Вам нужно молоко... – мейсис Катерина не теряла надежды выудить подробности.

– Да! – рявкнул Гроул. – Для ребенка! Есть оно у вас?

– Да, – пролепетала мейсис Нина, отшатываясь.

– Несите! – грозно приказал оборотень.

Шаркая тапочками, мейсис Катерина принесла большую кружку, сунула соседу и оскорбленно захлопнула дверь. На следующее утро весь квартал знал, что Гейбртерих Гроул прижил дитя от девицы из гильдии развлечений (кто-то говорил, что от дикой оборотницы, которая его бросила), что его прокляла ведьма, наложив обет безбрачия, и прочие подробности, которые, по мере передачи из уст в уста, так видоизменились, что, когда мейсис Нине их пересказали, она не узнала собственноручно выпущенную утку.

– Ну пей же ты! Будь хорошим оборотнем! – взмолился волк, сидя на полу перед волчонком. Щенок вилял хвостом, скулил и чихал в блюдечко.

– Конечно, – пробурчал Гейб. – Если привык хлестать коньяк, от молока будешь нос воротить.

Полчаса назад, вернувшись с молоком, он обнаружил корзину, в которую перед уходом положил малыша, валяющейся на полу пустой, хотя она стояла на кровати. Ребёнка в ней не было. Гейб обшарил весь дом, обнюхал каждую щель, пока не нашёл волчонка в собственном сапоге в прихожей.

Гроулу хотелось есть, спать и выть на луну. Наверное, младенцу тоже этого хотелось, и он не стеснялся – скулил и выл, будучи в шкурке и громко и отчаянно плакал, обращившись мальчишкой. Закономерности оборота Гейб не понимал – вот только на его руках пищит младенец, и через минуту по полу с подвыванием бегают щенки.

– Чем я прогневил тебя, Великий Вожак? – взмолился оборотень, обращаясь к потолку, когда за окном окончательно рассвело. Наоравшийся ребёнок уснул на бегу, перекинувшись в щенка. Гейб побоялся его трогать и оставил на полу, укрыв потеплее.

Зевая с риском вывихнуть челюсть, Гроул потащился в душ, встал под ледяную воду, чтобы не заснуть на ходу. Потом стащил с постели грязное бельё и отнёс в подвал, где была оборудована прачечная, потому что вонь стояла невыносимая, и только-только сел в кухне, чтобы съесть хоть что-то, как...

– Опять?! – простонал Гейб, роняя вилку и подпрыгивая бежать.

На полу гостиной вопил голый младенец, суча ножками.

ГЛАВА 5. Нежданные встречи и коварные планы

«Ежели вашего мужа постигли последствия его решений, постарайтесь не говорить: «Я же говорила!». Убегайте в лес и потанцуйте там на поляне».

«Тайная книга оборотниц»

Управление стражи левобережья находилось среди цветных двух- и трех-этажных домов простых горожан и выделялось серой кладкой и парком полицейских паромобилей у входа. В стражники принимали все расы, однако известно было, что лучшие сыскари – волки, лучшие патрульные – гномы, а орки – идеальны для групп захвата. Вид капитана Гроула, выходящего из таксомобилия с ребёнком на руках, вызвал фурор у стражников всех рас.

– Эй, Гейб, это улика?

– Нет, он арестовал этого младенца!

– Бедняжка малыш, какое дело он тебе шьёт?!

Под шуточки подобного рода, подколки и свист капитан поднялся по ступенькам. Малыш слабо попискивал, обессилив от плача и голода.

– Ты теперь всегда его будешь рядом держать? Продолжишь традицию, заведённую Булавой? – фыркнул напарник, хлопая его по плечу. Иногда Гейбу казалось, что Маку гораздо больше пошло бы быть троллем, а не оборотнем. – Тоже будешь таскать младенца на работу в слинге и кормить на рабочем месте? Полковник будет в восторге! Или еще... пристегни его к себе наручниками!

– И ты туда же, – прошипел сквозь зубы капитан. – погоди! – в голове что-то щёлкнуло. – Что ты сказал?!

– Полковник будет в восторге, – с недоумением повторил Маккензи.

– До этого?

– Традиция, заведенная Булавой, – покорно повторил Мак. – Тебя что, по голове вчера ударили? Булава – это наш новый финансовый инспектор, та еще зараза. Я тебе про нее говорил. И у нее есть маленький ребенок.

– Ты гений, Мак! – Гроул огрел напарника по спине и помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки.

– Должен же в нашей команде хоть кто-то быть умным, – донеслось ему в спину.

* * *

Новый финансовый инспектор, она же казначей, появилась в управлении несколько месяцев назад, после того как мейз Мюррей, по прозвищу Денег Нет, въедливый и дотошный гном, ушёл на повышение. Сотрудники управления, которым надоело отчитываться за каждую осьмушку казённого эринга, переписывать отчёты и выслушивать придирки за расточительство, вздохнули было с облегчением. Но, как оказалось, рано обрадовались.

Женщин в управлении было очень мало: секретарша начальника, писмоводитель и пожилая уборщица. Поэтому, когда в кабинете Мюррея начала хозяйничать молодая оборотница, высокая, со стройной гибкой фигурой, большой грудью, подтянутыми ягодицами и очень красивым лицом с крупным ярким ртом, у всех сразу появились дела по финансовой части. Мужики, особенно холостые, один за другим наведывались к ней с целью завести приятное знакомство, однако долго никто не задержался. И дело было даже не в маленькой волчице, которую инспектор постоянно носила с собой на работу либо в слинге, либо в детской корзине.

– Она скряга и крюкотвор почище Денег Нет, – жаловался Мак Гейбу. – Выписала мне квитанцию за форменную рубашку. Видите ли, мне новую выдали досрочно. А то, что предыдущая на мне буквально сгорела, когда мы сумасшедшего пироманьяка ловили, то это не в счёт! Пришлось идти к полковнику. Так Пила меня заставила объяснительную писать.

– Пила? – Гроул был в отъезде, когда в управлении появилась новая метла, а потому слушал новости с большим интересом.

– Да. Мы ещё не определились с прозвищем. Предлагают Таран, Катапульта, Праща, Пила – за острый язык и напор. Но большинство за Булаву, после того как она огрела Стини по голове так, что тот в обморок свалился.

– За что она его? – отсмеявшись, спросил Гейб.

– Этот идиот отвесил ей двусмысленный комплимент и, будто этого мало, попробовал ущипнуть за задницу. К этому моменту она привела в порядок всю финансовую отчетность управления и полковник ее начал боготворить, поэтому Стини получил еще и от него.

– Пойду познакомлюсь с вашей неприступной язвительной красоткой. – усмехнулся Гроул. – Мне как раз нужно отчитаться за дорожные расходы.

– Удачи! И не вздумай спросить, где отец её дочери, – крикнул вслед друг. – Ты крупно пожалеешь!

– Какое мне дело до её дочери, – отмахнулся капитан. – С ума вы тут все посходили, что ли?

Но в тот раз он так и не добрался до казначейства, пришел срочный вызов. Затем он неделю прыгал жабой. А затем четыре месяца он провел вне управления, отслеживая людей Килберта, и ему было не до знакомств с неприступными красотками.

* * *

Гейб, удерживая ребенка, дошел по коридору до административного крыла, завернул за угол и постучал в обитую металлом дверь.

– Войдите, – ответил хриловатый и одновременно мелодичный женский голос.

Гейб поспешно вошел, открыл рот поздороваться да так и застыл. Напротив двери за столом сидела и смотрела на него в упор Вилда Хедвиг.

– Вилда?!

– Гейбртерих? – совершенно спокойно ответила его бывшая подружка. – Наконец-то дошел. Я думала, так и не решишься.

– Я не знал, что это ты тут, – оторопело проговорил Гейб, от удивления даже не возмущившись. Вилда недоверчиво хмыкнула. Ребенок на руках зашевелился, и он плотнее прижал его к себе. – Где ты была всё это время? Ты ведь даже учёбу не закончила...

– Диплом показать? – сухо поинтересовалась волчица.

– Я не об этом, – отмахнулся оборотень. Волчонок на его груди едва слышно сопел и всхлипывал. – Я рад... рад, что ты жива, здорова и жизнь сложилась... я ведь искал тебя тогда, чтобы...

– Хватит, Гроул. Это всё дела далёкие, и мы их никогда обсуждать не будем, – Вилда опять говорила холодно и сухо. – Было и прошло. Мы были молоды и ошибались. А сейчас у меня своя жизнь, у тебя своя. Раз мы уж взрослые волки и работаем в одной конторе, предлагаю забыть обо всем и сохранять рабочие отношения. Чтобы избежать неловкости.

Гроул лишь кивнул – мысли от недосыпа и удивления никак не получалось собрать в кучку.

– Давай к делам насущным, – ворвался в его засыпающий мозг голос Вилды. – Откуда малыш? – она кивнула на щенка. – В твоих документах сказано, что детей у тебя нет.

– Хотел бы я, чтобы так и было, – пробурчал он, и лицо оборотницы еще больше закамнело. – Вилли, ты не так поняла, это бандит! – попытался оправдаться он.

– Гейб, это же ребенок! Как ты можешь так говорить? – возмутилась Вилда.

– Да он на самом деле бандит. Контрабандист! – попытался объяснить Гейб, шагнул к ней, как вдруг ему в лодыжку вцепились острые зубки. Гейб посмотрел вниз и с удивлением увидел маленькую волчицу. Она угрожающе рычала, не выпуская добычу.

– Гм... – не нашёлся что сказать Гроул. – Узнаю эту хватку... твоя мама как-то мне так же в руку вцепилась.

– Плюнь дядю, Морна, – поднимаясь и подходя, велела мать. – Это кака!

– Это ведь и есть твоя дочь? – задал глупый вопрос оборотень.

Вилда молча подхватила пушистую дочку на руки и погладила между ушек.

– А где её отец? – втянув носом воздух, неосторожно поинтересовался Гейб. От Вилли не пахло мужчиной.

– Не твое дело! – рыкнула Вилда. – Хватит болтать. Что ты хотел?

Гроул с некоторой опаской посмотрел на её пальцы с выпущенными когтями, блеснувшие клыки, перевел взгляд на грудь и спросил:

– Ты ведь кормишь ее еще?

– Ты совсем сдурел, Гроул? – разъярилась Вилда. – Как тебя это касается?

Младенец разорался.

– Спаси меня! – почти в отчаянии взвыл Гейб.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? – поразилась волчица, глядя на него, как на сумасшедшего и переводя глаза на малыша.

– Покорми его, – взмолился оборотень. – Он не ел Пряха знает сколько и плачет со вчерашнего дня!

Малыш действительно надрывался криком так, что раскраснелся и начал икать.

– Бедняжка, – мгновенно успокоилась Вилда, протягивая руки к младенцу и устраивая его поудобнее. Села в кресло, расстегнула блузку и выпростала из ворота круглую грудь с крупным ярким соском. Оборотни не стыдились кормления, считали это таким же естественным, как дышать, но Гейб смотрел на неё как загипнотизированный. Малыш всхлипнул и впился в сосок как умирающий от голода. Чтобы отвлечься от воздействия шикарной женской груди и нахлынувших воспоминаний, Гроул огляделся.

Дочка Вилды оказалась маленькой круглощёкой девочкой с тёмными кудряшками. Все, что он мог понять, припоминая слова медсестры о возрасте, в котором дети оборотней начинают ходить – что она родилась больше полутора лет назад, потому что сейчас, обернувшись человеком, сначала понаблюдала за мамой, поколебалась, устроить скандал или нет, а затем, зевнув, уверенно дошагала до переносной большой корзины-колыбели и забралась туда. В чертах лица угадывалось сходство с матерью. Гейб перевёл взгляд на Вилду. Она склонила голову к малышу, глядя заплаканные щёчки, мокрые от пота волосики, ласково поглаживала животик. Тот сосал так жадно, что то и дело захлёбывался, и оборотница уговаривала его не торопиться.

От облегчения у Гроула закружилась голова. Теперь-то все будет в порядке. Теперь ребенка можно будет отдать Вилде на попечение и просто почаще навещать его... Ну хотя бы днем.

– Где его мать и почему он у тебя? – спросила оборотница, прервав воркование.

– Где мать, не знаю, – не сразу ответил Гейб. – Его зовут Кирберт Гарэйл, и он был вневклановой сиротой.

«Как и я», – хотелось сказать ему, но он промолчал.

– Так, – резко сказала Вилда. – Объясни мне нормально, при чем тут некто Гарэйл и что ты там болтал про контрабанду...

Гейб под чмокание мелкого бандита рассказал как все произошло.

– И ты его запечатлел. Бедняжка, – повторила Вилда грустно.
– Да, мне очень трудно, – со вздохом признал Гейб.
Она посмотрела на него, как на диковинное животное.
– При чем тут ты? Это ребенок бедный, зависит от такого, как ты много лет.
– Вилли, – с величайшим терпением напомнил Гейб, – Это – главарь банды. Гроза Веншица. На его счету тысячи похищений и подпольных махинаций. Он – преступник, понимаешь?
– Сейчас он – просто младенец, – покачала головой Вилда. – И только от тебя зависит, каким он вырастет.
Гроул хотел было возмутиться, но тут у него в голове что-то щелкнуло.
– А ведь это ты меня прокляла, Вилли, – обвинил он её.
Она равнодушно пожала плечами.
– Правда? Не помню. В любом случае дети – это не проклятье. – Волчица посмотрела на дочку, которая резво прыгала в своей корзине, да так, что та перевернулась. – Хотя, – усмехнулась она, – иногда они бывают почти невыносимы.
В коридоре раздались быстрые шаги и в кабинет ворвался Мак.
– Гейб, быстрее, – заинтересованно косясь на обнажённую грудь, выпалил Маккензи. – Полковник ждёт нас у себя в кабинете.
– Вилда?
– Иди, – кивнула волчица, – оставь только что-то из одежды, чтобы он не беспокоился. Как поест, принесу.
Успокоенный малыш прикрыл глазки и ел уж сквозь дрему.
Гейб поспешно содрал с себя рубашку. Вилда оглядела его торс, улыбнулась. И только он решил, что она далеко не все забыла, как она шепотом подсказала:
– У тебя отрыжка засохла на груди.
Он посмотрел, рыкнул и побежал в уборную отмываться.

* * *

– Информатор сообщает, что конкурирующие банды пронюхали о том, что случилось в доме Кирберта. – Полковник Норминн захлопнул папку, побарабанил по ней пальцами. – Твой волчонок, Гейб, все еще владеет банковскими счетами, недвижимостью и бизнесом. За опеку над ним, то есть за имущество, будет настоящая война. Его постараются украсть и усыновить, чтобы так получить доступ к бизнесу.
– Но волчонок же умрёт без Гейба, – пробормотал Мак, глядя на друга.
– Ты думаешь, их это волнует? – усмехнулся начальник. – Им нужно предъявить ребёнка нотариусу и получить бумаги, а потом опекун получит всю власть распоряжаться имуществом, и малыш по-любому будет лишним в игре. Кирберта так и так убьют, рано или поздно, если он не умрёт сам.
Мужчины выругались.
– Что будем делать? – переглянувшись с напарником, задал вопрос Гроул.
– Чистить столицу от мафии дальше. Благо ее величество еще в круизе. А вас с ребенком спрячем, – прошёлся по кабинету шеф. – Нужно подумать, куда вас отправить, проработать легенду. На всё у нас два дня, от силы. И тебе сегодня возвращаться домой уже не стоит. Куча народу видела тебя с ребенком, только что стало известно, что и газеты уже все разнюхали. Поедешь на конспиративную квартиру. Вещи тебе привезут.
– Полковник, – медленно, на ходу обдумывая пришедшую мысль, начал Гейб. – Мне не обойтись без кормилицы, это уже понятно. Лишних людей втягивать нельзя...
Полковник заинтересованно кивнул.

– ...Хедвиг вполне подготовлена...

Мак прыснул и с серьёзным лицом закашлялся в кулак.

– ...Является служащей управления, и она кормящая мать, в конце концов. И сейчас кормит младенца.

– Хочешь изобразить с Булавой счастливую семейку? – напарник не выдержал и расхохотался, несмотря на строгий взгляд начальства. – Хочешь к ней таким образом подкатить, раз другие не добились успеха?

– Лейтенант Маккензи, ведите себя подобающе! – одернул его полковник. – Гроул, Вилда Хедвиг совершила чудеса в нашем финансовом отделе. Благодаря ей наконец-то меня не трясет ежеквартально казначейство, она ухитряется и обеспечивать нас всем необходимым и экономить одновременно. И для того чтобы я снял ее с места, нужны весомые доводы.

Гроул все еще соображал медленно, но собрался и поразмыслил. Да, появление Вилды стало едва ли не большим потрясением, чем запечатление бывшего контрабандиста. Но все же на первом месте стоял именно вопрос ухода и кормления подопытного. А уж где-то далеко за возможностью выспаться – признание, что Вилли стала еще более притягательной, а ее строгость почти разбудила в нем охотника. Почти, потому что все его ипостаси сейчас хорошему сексу предпочли бы отличный сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.